

KNYGU RECENZIJOS

УХВАНОВА-ШМЫГОВА, И. Ф. (ed.). *Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов.* Минск, 2002, вып. 3. 355 с.

Вышел в свет третий выпуск серии «Методология исследований политического дискурса» – издания, пользующегося неизменным интересом у тех читателей, кому довелось подержать в руках эти книги (в Литву поступают единичные экземпляры). Инициатором масштабного проекта является профессор Белорусского государственного университета Ирина Ухванова-Шмыгова – человек неистощимого энтузиазма и увлеченности, благодаря которым только и могло появиться исследование, объединившее представителей разных ветвей гуманитарного знания и разных наук на путях изучения политического дискурса. Авторы проекта в послесловии ко второму выпуску так объяснили причины появления (а мы можем говорить и о причинах успеха) издаваемой серии: «Сегодня – это время, характеризующееся кризисом идентичности не только индивидуумов и отдельных социальных групп, но и целых социумов и, соответственно, поиском новых путей социального развития значительной группы стран, не удовлетворенных своим настоящим положением, переосмысливающих свой социальный опыт. Перед учеными, как никогда, стоит проблема <...> углубления и уточнения различных подходов к изучению данных процессов <...>». В качестве одной из задач авторы провозгласили задачу проведения непосредственных практических исследований, использующих богатый теоретический аппарат, выработанный современной политологией, социологией, лингвистикой и философией. Третий выпуск реферируемой серии замечателен тем, что он осуществляет эту практическую задачу – синтезируя различные подходы, дает инструмент анализа

тем, кто хочет в строгих терминах проанализировать поведение (как речевое, так и неречевое) того или иного политического лидера. Проанализировать и вместе с тем объяснить или даже попытаться прогнозировать его успех / неуспех.

Авторы предлагают оригинальный способ дискурс-анализа, названный ими методикой *дискурс-портрета*. Думается, что методику точнее было бы назвать *дискурс-портретированием*, поскольку предметно осмысливаемое содержание термина *дискурс-портрет* скорее вызывает представление о результате некоего исследовательского процесса, а не о самом процессе. Да и сами авторы, употребляя выражение «построить дискурс-портрет», очевидно, мыслят так же. О *дискурс-портрете* как результате *дискурс-портретирования* свидетельствует и формулировка некоторых пунктов содержания: «Лукашенко: дискурс-портрет», «Зюганов – дискурс-портрет», «Жириновский: дискурс-портрет» (в книге представлены дискурс-портреты девяти политиков). Предлагаемый способ анализа текста подчинен «решению глобальной задачи – получению максимально обширной информации об адресанте» (с. 13). Этот способ опирается на ряд конкретных исследовательских приемов: актуализация «Я-текста», «Мы-текста», «Вы / Ты-текста», «Он / Она / Оно / Они-текста» в наборе определенных ситуаций, таких как: «политик беседует с журналистом», «политик анализирует проблему», «политик выступает перед массовой аудиторией», «политик выступает с предвыборной программой» и т. д.

Категориальным исследовательским аппаратом, четко представленным авторами

в соответствующих таблицах, является набор из 31 дискурс-категории. Назову часть этих категорий: к адресант-идентифицирующим категориям авторы относят *самоидентификацию, время, пространство, миссию* (говорящего) и т. д.; к *адресат-идентифицирующим* категориям относится *аудитория*; к категориям, характеризующим уровень взаимодействия адресата и адресанта, относятся *интертекстуальность, интересубъектность, интересобытийность* (все термины поясняются в прилагаемом к выпуску словаре). Результатом применения описанной методики, вовлекающей в анализ огромное количество текстовой и контекстной информации, становится выявление *дискурс-типа*, к которому относится политик. Так, политик может характеризоваться как *коллективист / индивидуалист / институционалист*, с одной точки зрения (*кто он? какой он?*); как *популист / рационалист / борец* – с другой точки зрения (*что его делает лидером? как он удерживает лидерство?*). Ответ на вопрос *с кем он?* дает классификацию по трем дискурс-типам: *общенациональный, региональный, партийный*, а вопрос *к кому обращается, как?* предполагает отнесение политического лидера к *тактикам, стратегам или псевдотактикам* (тип «чего изволите?»).

Всего авторы выделяют двадцать четыре дискурс-типа, способных совмещаться в характеристике одного политического лидера и представляемых в его *типологической карте*. Так, например, Путин предстает сквозь призму названных категорий как *индивидуалист, деятель, рационалист, стратег и тактик* (одновременно), *прагматик, демократ и мессия, менеджер, общенациональный лидер*. Несколько смущает совмещение в одном политическом деятеле таких характеристик, как *демократ и мессия*. Впрочем, вполне возможно, что совмещение противоречащих характеристик свидетельствует не о неточных методиках, приводящих к противоречивым результатам,

а о противоречиях самого мироощущения политика, отраженного в его дискурсе. Наиболее многогранным, согласно проведенному исследованию, оказался дискурс Б. Н. Ельцина: в нем сомкнулся 21 дискурстип из возможных двадцати четырех: так, бывший президент России предстает одновременно и *коллективистом и индивидуалистом, и деятелем и созерцателем, и популистом и рационалистом, и прагматиком и идеалистом*. Что ж, пресловутая непредсказуемость Б. Н. Ельцина может быть объяснена разнообразными гранями его личности, зафиксированными посредством использованного метода.

Не могу не сказать, что не только термин «дискурс-портрет» вызывает у меня сомнение относительно точности его определения. Я позволила бы себе не согласиться и с некоторыми другими теоретическими утверждениями авторов. Так, не могу принять, что «дискурс для нас – это и артефакт, то есть факт, существующий параллельно с реальным <...>, но способный затмить последний, подменить его собой, стать новой реальностью. Соответственно, мы соглашаемся и с тем, что дискурс-анализ – это анализ большой иллюзии, которая, тем не менее, становится реальностью» (с. 9). Как считают сами авторы, дискурс – это текст, рассматриваемый в более широких рамках – социального контекста и сознания коммуникантов. По большому счету, это метод анализа существующих текстов, предполагающий выход на иные, нежели собственно текстовые, структуры. Да, мы употребляем слово *дискурс* практически как квазисиноним слова *текст*. Квазисиноним, а не точный синоним, поскольку вряд ли мы назовем дискурсом единичный текст. Само использование исследователем термина *дискурс* направляет его усилия на более широкий, нежели отдельный текст, объект – на круг текстов, объединенных на основе определенного признака – авторства, времени существования, тематической общности и мировоззренческой принадлежности субъектов

текста. В сущности, тексты объединяются в дискурс на основе объективно существующей *внетекстовой данности*, обуславливающей единство или различие мировоззренческих позиций их субъектов. С этой точки зрения дискурс – это объективно выделенный феномен. В дискурсе выражается субъективная позиция адресата по отношению к реальности – в этом смысле мы действительно анализируем некий «возможный мир», тем более иллюзорный, чем более он отстоит от мира реального, не фиксируя, а интерпретируя и оценивая последний. Не дискурс – большая иллюзия, а отраженный в нем мир.

Почему я столь подробно останавливаюсь на фрагменте, представляющемся мне неточным? Дело в том, что предлагаемая читателю книга может служить и учебным пособием по теории дискурса, и методическим пособием для занимающихся дискурс-анализом политических текстов в прикладных целях: сделать неявное явным, высветить скрытое, или, говоря словами Р. Барта, показать, какой власть хочет казаться и какой она является на самом деле. При решении таких масштабных задач душа взыскует точности. И я для себя уточняю: для кого дискурс как артефакт затмевает реальный мир? Опасность, подстерегающая человека, живущего в мире дискурсов, действительно, заключается в том, что мир текста он может отождествить с реальным миром. Но эта опасность – для тех, кто оказывается под воздействием производимых дискурсов, т. е. для их адресатов, а не для их адресантов, очень часто отдающих себе отчет в том, что мир реальный и мир, создаваемый ими в их текстах, – далеко не одно и то же. И далее, не отрицая того, что дискурс – артефакт, я все-таки (для себя) пытаюсь уточнить: артефакт, потому, что он создан человеком, или потому артефакт, что это – некое отклонение от объективно существующего, возникшее

в результате определенного метода исследования, подобно тому, как в рентгенодиагностике возникают тени на снимках в результате технических погрешностей при обработке пленок. Принимаю первое понимание дискурса как артефакта, ибо при втором исследование лишается смысла. Мне хочется точности, потому что я очень высоко оцениваю практическую значимость вышедшей книги: она – реальная помощь всем тем, кто причастен к анализу политической деятельности общественных лидеров. И в практически безбрежном море литературы по этому вопросу минский сборник выделяется именно своим прикладным характером. Здесь анализируется даже невербальное поведение политических деятелей: выражение лица, манера одеваться, использование субъектом пространства, использование прикосновений и т. д. Кроме того, авторы предлагают тест на харизматичность. Оказывается, что Ельцин являет собой черты харизматического лидера, а Путин таковым не является. Странно, не правда ли?

Говоря обо всех выпусках серии «Методология исследований политического дискурса», не могу не отметить и той просветительской струи, которую они несут в форме прилагаемых к каждой книге «Материалов к словарю» междисциплинарных исследований в области политического дискурса. Думаю, что образование в области дискурс-анализа желательно для всех членов социума – оно затруднит манипуляцию их сознанием со стороны тех, кто волею судьбы оказался на политическом Олимпе.

Что же касается собственно третьего выпуска, то мне видится его достоинство и в том, что авторам удалось быть научно бесстрастными при характеристике современных политических лидеров и в то же время не погрешить против человеческой корректности.

Элеонора Лассан

ПАЧАИ, ИМРЕ. Специфика русской культурной зоны в русской народной речи и фольклоре. Ньиредьхаза: Studium, 2002. 296 с.

Книга венгерского филолога Имре Пачаи посвящена актуальному и недостаточно разработанному кругу проблем, связанных с русской народной речью и народной культурой в их взаимообусловленности. Данная проблематика входит в более общую, связанную со своеобразием русского народного языка в его контактах с другими национальными языками.

Автор монографии, опираясь на теоретические положения В. фон Гумбольдта, В. Я. Проппа, Н. С. Трубецкого, Р. Якобсона и других ученых, а также концептуальные и методологические принципы современных исследователей (В. В. Воробьева, В. М. Мокиенко, О. Б. Ткаченко), разработал и обосновал собственный подход к производимому им сопоставительному анализу, основанному на смежных научных дисциплинах, таких как социология, история, антропология, диалектология, фольклористика и когнитивная психология. В результате лингвокультурологического подхода к избранной проблеме представляемая работа приобретает межотраслевой, междисциплинарный характер,

Содержание книги представлено в 15-ти главах. О глубине и оригинальности исследовательского подхода можно судить достаточно определенно по их названиям: 1. О значении и трудностях изучения русской народной речи; 2. Спорные вопросы, связанные с формированием русского языка и фольклора; 3. Общие специфические свойства языка русского фольклора и русской народной речи; 4. О языковой модели мира, отражаемой в русском фольклоре и фразеологии; 5. Парные слова как признак ареально-хронологической обусловленности языка и стиля русского фольклора; 6. О возникновении неславянских мотивов русского фольклора; 7. Следы языковых контактов русской культурной зоны в лексике русских пословиц и поговорок; 8. Слова-заимствования в

пословицах; 9. О возникновении пословиц-калек и о языковых контактах; 10. Пословицы-кальки русской культурной зоны; 11. Бродячие сюжеты – следы контактов в культурной зоне; 12. Отражение следов обычного права и быта кочевых народов в волшебных сказках; 13. Следы шаманских поверий в русских волшебных сказках; 14. Образ коня в пословицах – следы богатырских эпосов в волшебных сказках; 15. Общие стилистические и речевые элементы в волшебных сказках исследуемого ареала.

В своей монографии И. Пачаи указывает на древние языковые и культурные связи русского народа, в первую очередь с народами тюркоязычными, подчеркивает устойчивые контакты русского народа с Востоком, подвергает сопоставительному анализу изречения, получившие распространение на территории «русской культурной зоны», обнаруживает параллелизм между русскими и татарскими пословицами, проводит компаративный анализ русских и венгерских языковых структур, выявляет своеобразие русской культурной зоны, прослеживает границы языковых контактов, разрабатывает принципы межязыкового анализа, обосновывает его целесообразность и намечает перспективу предпринятого анализа, показывает различные способы семантического наполнения речевых структур при их актуализации (например, в художественном тексте), обращает особое внимание на механизм их образования.

В значительной своей части работа посвящена обстоятельному анализу парных слов, используемых в русском фольклоре и русской народной речи, что, по мнению автора, подтверждает связи русской культурной зоны с языками Евразии. Исследование произведено на большом фактическом материале, извлеченном из русских былин, песен, народных сказок, пословиц, поговорок, рассказов, а также текстов других

жанров. Источником иллюстративного материала были также различные словари и сборники, фиксирующие парные структурные образования. Они прослеживаются, в частности, в паремических изречениях, например: «Ремесло *пить-есть* не просит, а само кормит»; «Как в поле туман, так ему *счастье-талан*» (слова повитухи за кашей); «Лежачего не бьют. *Аман да пардон* уважай» (солдатск.). Значительная роль в композиции пословиц принадлежит также каламбурной игре парных слов, ср.: «Мужик просил у черта пшеничного хлеба. Черт дал ему *калач*, сказав: «*Кал-ач*». В сопоставительных целях используется закарпатский, финно-угорский, словацкий, алтайский и персидский фольклоры. В ряде случаев русские речения сопровождаются западнославянскими соответствиями, в том числе польскими, например: «Шутки шутить будем или что будем?» / *Wędziemy to sobie żarty stroić, czy co?*; «Жить как живется и плыть как плывется» / *Żuć jak Bóg da i płynąć jak fala niesie*.

Новизной, оригинальностью поставленных задач и тщательностью разработки материала определяется научная значимость исследования и его результатов. Теорети-

ческие положения и выводы изложены в монографии четко, последовательно и полно. Автор приходит к ряду существенных умозаключений. Одно из них заслуживает особого внимания: «Важным доказательством общности фрагментов культуры разных народов, относящихся к абсолютно разным языковым сообществам, является использование ими, в частности, парных слов. Они доказывают общность определенного элемента языковой модели мира, проявляющаяся в тождественных языковых категориях разных народов. В этой области нередки структуры, которые вполне соотносимы как в структурном, семантическом, функциональном, так и в стилистическом аспекте» (с. 276).

По книге можно судить, что Имре Пачаи отлично знает историю изучения проблемы, умело оперирует методикой избранного анализа, адекватно интерпретирует исследуемый материал в русле поставленных задач. Теоретическая и логическая аргументированность монографии убеждает в высокой научной ценности проданной им работы.

Ярослав Вежбиньски